

Когда я писал «Дюну»...

... **ТО** был совершенно свободен от мыслей об успехе или провале книги. Единственное, что меня занимало, — это сам процесс творчества. Прежде чем сесть за стол, чтобы сплести воедино все нити сюжета, я потратил шесть лет на серьезную исследовательскую работу. Труд над книгой потребовал от меня высочайшей сосредоточенности.

Повествование было призвано исследовать миф о Мессии.

Мне хотелось взглянуть на обитаемую планету как на некую энергетическую машину.

Проникнуть в тесную взаимосвязь политики и экономики.

Исследовать ловушки, которые таят в себе абсолютные предсказания.

Книга должна была стать лекарством, помогающим осознать, что может произойти от взаимодействия упомянутых факторов.

В моей книге аналогом нефти является питьевая вода, запасы которой истощаются с каждым годом.

Это был экологический роман, но я не мог замыкать себя в столь тесные рамки, — в романе описаны судьбы людей, их жизнь и человеческие ценности. Мне постоянно приходилось держать в голове все линии сюжетной канвы.

Для прочего просто не оставалось места.

После первой публикации сообщения издателей были скудными и, как выяснилось позже, не вполне точными. Критики были беспощадны. Двенадцать издателей вернули мне рукопись. Не было никакой рекламы. Что-то, тем не менее, происходило... Но что?

В течение двух лет книжные магазины и отдельные читатели завалили меня письмами с одним-единственным вопросом: «Где можно купить книгу?» Во Всемирном Каталоге появилась хвалебная статья. Мне звонили и спрашивали, не основал ли я новый религиозный культ.

Я отвечал, что ни в коем случае не собирался этого делать.

Постепенно я начал осознавать, что мой роман имеет успех. К тому времени, когда были закончены первые три тома «Дюны», у меня уже не было сомнений в том, что это популярная книга — одна из самых популярных в истории. Мне говорили, что во всем мире было продано больше десяти миллионов экземпляров. Теперь мне чаще всего задают следующий вопрос: «Что означает для вас этот успех?»

Вопрос этот меня удивляет. Честно признаться, я не рассчитывал на неудачу. Передо мной стояла задача, и я выполнял ее. Некоторые части «Мессии Дюны» и «Детей Дюны» были написаны до того, как я закончил «Дюну». Книжки постепенно обростали плотью, но суть оставалась прежней. Я — писатель, и я писал. Успех означал только одно — теперь я мог уделить писательству больше времени.

Оглядываясь назад, я понимаю, что инстинктивно выбрал совершенно правильную тактику. Нельзя писать ради успеха. Это отвлекает от творчества. Если ты занят делом, то надо делать только его, а мое занятие — писать.

Между мною и читателем существует неписаное соглашение. Если человек приходит в книжный магазин и платит за мой роман заработанные тяжким трудом деньги, то я просто обязан доставить ему удовольствие, хотя мой долг перед ним превышает то, что я в состоянии дать.

Таковы были мои искренние намерения.

Фрэнк Герберт.

Суть большинства учений скрыта — эти учения предназначены не для того, чтобы освободить, но для того, чтобы ставить пределы. Никогда не спрашивай «Почему?». «Как?» и «Почему?» неминуемо приводят к парадоксам. «Как?» загоняет вас в ловушку бесчисленных причин и следствий. И те, и другие отрицают бесконечность.

Апокрифы Арракиса

-Разве не говорила тебе Тараза, что мы имели дело с одиннадцатью Дунканами Айдахо? Нынешний — двенадцатый. — Облокотившись на парапет третьего этажа, пожилая Преподобная Мать Швандью произнесла эти слова с задумчивой горечью. Внизу, на небольшой лужайке, в одиночестве играл мальчик. Яркое полуденное солнце планеты Гамму, отражаясь от белых стен двора, наполняло воздух сияющим светом; казалось, что на маленького гхола направлен луч солнечного зайчика.

Имели дело! — подумала Преподобная Мать Луцилла. С большим трудом заставив себя коротко кивнуть, она подивилась холодности и небрежности в выборе выражений, столь характерных для Швандью. *Мы использовали все свои ресурсы; пришлите нам еще!*

Мальчику на лужайке можно было дать около двенадцати стандартных лет, но внешность скорее всего была обманчивой — у гхола еще не пробудилась исходная память. В этот момент ребенок поднял глаза и взглянул на женщин. Мальчик был коренаст и крепок, взгляд его казался прямым и мужественным. Глаза сверкнули

из-под шапки курчавых, словно каракуль, черных волос. Желтое весеннее солнце отбрасывало от фигурки ребенка короткую тень. Кожа мальчика загорела до черноты, но сдвинувшийся от движения край синего комбинезона открыл очень светлую кожу.

— Эти гхола не только очень дороги, они еще и в высшей степени опасны для нас, — продолжала Швандю. Ее голос был лишен какого бы то ни было выражения и эмоций, и это придавало ему еще больше власти. То был голос Преподобной Матери Наставницы, обращающейся к ученице, и Луцилла лишней раз вспомнила, что Швандю была одной из немногих, кто решался открыто протестовать против проекта гхола.

Тараза предупредила: «Она постарается переиграть тебя».

— Достаточно с нас одиннадцати неудач, — проговорила Швандю.

Луцилла посмотрела на покрытое морщинами лицо Швандю и внезапно подумала: *Когда-нибудь я тоже стану старой и мудрой. Возможно, что и власть моя в Бинэ Гессерит будет не меньшей.*

Швандю была маленькой тщедушной женщиной, возраст которой выдавали многочисленные отметины, полученные на трудной службе в Ордене сестер. Во время обучения Луцилла узнала, что обычная черная накидка Швандю скрывает тощее морщинистое тело, которое видели только служанки и предназначенные для нее мужчины. Рот Швандю был излишне широк, нижнюю губу окаймляли морщины, избороздившие выступающий вперед подбородок. Манеры женщины были отрывисты, речь краткой, что многие из новичков расценивали как признак гнева. Глава Убежища Ордена на Гамму была более скрытной, чем все остальные Преподобные Матери.

Более чем когда-либо Луцилле захотелось побольше узнать о проекте гхола. Однако Тараза четко очертила границу, дальше которой не следовало ступать: «Не сле-

дует доверять Швандю в том, что касается безопасности гхола».

— Мы полагаем, что тлейлаксу сами убили большинство из предыдущих одиннадцати, — продолжала между тем Швандю. — Это само по себе кое-что да значит.

Подражая манере Швандю, Луцилла ждала, не проявляя никаких эмоций. Всем своим видом она желала сказать: «Возможно, я намного моложе тебя, Швандю, но и я тоже являюсь полноправной Преподобной Матерью». Не поворачивая головы, Луцилла чувствовала, как Швандю сверлит ее взглядом.

Швандю видела голографический портрет Луциллы, но женщина во плоти и крови сильно ее смутила. Луцилла прошла, без сомнения, блестящую подготовку. Яркосиние пронизательные глаза очень шли к ее овальному лицу. Капюшон абы был откинут назад, открывая каштановые волосы, скрепленные у висков гребнем и рассыпавшиеся по спине. Даже глухая накидка не могла скрыть выступающей округлой груди. Луцилла происходила из генетической линии, созданной для материнства, и действительно родила уже троих детей для Ордена, причем двоих от одного и того же супруга. Да, настоящая колдунья с каштановыми волосами, полной грудью и предрасположенностью к материнству.

— Ты почти ничего не говоришь, — сказала Швандю, — это означает, что Тараза настроила тебя против меня.

— Есть ли у тебя основания полагать, что убийцы попытаются убить двенадцатого гхола? — спросила Луцилла.

— Они уже делали это.

Очень странно, что при мыслях о Швандю в голову приходит слово «ересь», подумала Луцилла. Может ли среди Преподобных Матерей быть еретичка? Религиозному оттенку этого слова, казалось, не было места в контексте Бинэ Гессерит. Как вообще может возникнуть религиозное еретическое течение среди людей, все

устремления которых направлены на манипулирование всеми вещами?

Луцилла вновь обратила свое внимание на гхола, который, улучив момент, прошелся колесом вдоль периметра лужайки и снова вернулся под балкон. Мальчик остановился и посмотрел вверх.

— Как он хорошо крутится, — насмешливо произнесла Швандью. Старушечий голос не смог скрыть застенчивую злобу.

Луцилла метнула быстрый взгляд на Швандью. *Ересь*. Здесь неуместно слово «раскол». Понятием *оппозиция* нельзя было выразить все чувства, которые сейчас бушевали в старой женщине. Эти эмоции могли потрясти самые устои Бинэ Гессерит. Бунт против Таразы, против Верховной Преподобной Матери? Немыслимо! Верховная Мать обладала прерогативами монарха. Выслушав все советы, она принимала решение, которое было обязательным для всех сестер Ордена.

— У нас нет времени на новые проблемы! — воскликнула Швандью.

Смысл ее слов был совершенно ясен. Люди из Рассеяния продолжали возвращаться, и намерения некоторых из них угрожали Ордену сестер. *Досточтимые Матроны!* Как это словосочетание напоминает титул Преподобной Матери.

Луцилла запустила пробный шар.

— Ты думаешь, что нам стоит сосредоточиться на проблеме этих Досточтимых Матрон из Рассеяния?

— Сосредоточиться? Ха! У них нет и тени нашей власти. Они не проявляют никакой доброй воли и здравого смысла. Они не обладают меланжем, а это именно то, что они хотят получить от нас, — обладание специей.

— Возможно, — согласно кивнула Луцилла. Аргумент показался ей слабоватым.

— Верховная Мать Тараза, забыв здравый смысл, носится с этим гхола, — снова заговорила Швандью.

Луцилла промолчала. Проект гхола задел старую, давно умолкнувшую было струну Ордена сестер. Сама

возможность, пусть даже отдаленная, вернуть к жизни Квизац Хадерача, породжала в рядах Сестер страх и ненависть. Пробудить к жизни останки червеобразного тирана! Это было крайне опасно.

— Этот гхола не должен попасть на Ракис ни при каких обстоятельствах, — злобно пробормотала Швандью. — Пусть Червь спит.

Луцилла снова посмотрела на ребенка-гхола. Мальчик отвернулся от парапета, но что-то в его осанке говорило о том, что он понимает, что Преподобные Матери обсуждают его, и ждет вердикта.

— Без сомнения, ты осознаешь, что тебя призвали именно потому, что он еще очень юн, — сказала Швандью.

— А я и не слышала, что именно у таких детей сильнее всего выражен импринтинг, — с мягкой иронией произнесла Луцилла, понимая, что ирония эта не ускользнет от внимания Швандью и будет неправильно истолкована. Бинэ Гессерит давно научился управлять сотворением, воспитал блестящие кадры — это управление стало специальностью Ордена сестер. Швандью сейчас, должно быть, думает о том, что любовью надо пользоваться, но всячески ее избегать. Аналитики Ордена знали, в чем кроются корни любви. Этот вопрос был исследован в самом начале их пути, но сестры не осмелились искоренить это чувство в тех, на кого пытались влиять. Золотое правило гласило: будьте терпимы к любви, но сами берегитесь ее. Знайте, что любовь внедрена в самые глубинные структуры человеческого существа и является надежной гарантией продолжения рода. При необходимости ее надо использовать в интересах Ордена сестер, внушая людям любовь друг к другу, и знать, что эти люди связаны неразрывными узами, практически недоступными стороннему наблюдателю. И все же при наличии знаний эти нити можно успешно задействовать, заставляя любящих исполнять нужный танец под не осознанную ими самими музыку.

— Я не предполагала, какую мы совершаем ошибку, подвергая это создание импринтингу, — сказала Швандью, неверно поняв молчание Луциллы.

— Мы делаем то, что нам приказано делать, — значительно произнесла Луцилла. Пусть Швандью думает об этом, что ей заблагорассудится.

— Следовательно, ты не возражаешь против отправки этого гхола на Ракис, — сказала Швандью. — Интересно, стала бы ты так упорствовать, если бы знала подноготную всей истории?

Луцилла глубоко вздохнула. Неужели сейчас ей расскажут все, что связано с созданием многочисленных гхола Дункана Айдахо?

— На Ракисе живет маленькая девочка по имени Шиана Браф, — заговорила Швандью. — Она обладает способностью управлять гигантскими червями.

Луцилла попыталась сдержать внезапно проснувшуюся тревогу. *Гигантские черви. Не Шай-Хулуд. Не Шайтан. Гигантские черви.* Наконец-то появились наездники, оседлавшие червей, предсказанные Тираном!

— Это не пустая болтовня, — проговорила Швандью, недовольная затянувшимся молчанием Луциллы.

Это действительно не пустая болтовня, подумала Луцилла. Но ты называешь вещи согласно их описательным ярлыкам, а не по их мистическому смыслу. Гигантские черви. На самом-то деле ты думаешь о Тиране, Лето II, чей бесконечный сон продолжается в виде перлов сознания каждого такого червя. Во всяком случае, мы верим в это.

Швандью кивнула головой в сторону ребенка на лужайке.

— Как ты думаешь, этот гхола сможет повлиять на девочку, управляющую червями?

Наконец-то мы сбросили личину, подумала Луцилла, но вслух произнесла другое:

— Не чувствую никакой потребности отвечать на этот вопрос.

— А ты действительно осторожна, — сказала Швандью.

Луцилла выгнула спину и потянулась. *Осторожна? Да, в самом деле!* Тараза говорила ей: «Во всем, что касается Швандью, действуй со всей возможной осторожностью, но быстро. Временной промежутков, в течение которого мы можем достичь успеха, весьма узок».

Но в чем заключается этот успех? — подумала Луцилла. Она искоса взглянула на Швандью.

— Я не понимаю, каким образом тлейлаксу смогли убить одиннадцать этих гхола. Как они сумели преодолеть нашу защиту?

— Теперь у нас есть баши, — ответила Швандью. По ее тону чувствовалось, что она сама не верит в то, что говорит.

Напутствуя Луциллу, Верховная Мать Тараза сказала: «Ты — импринтер. Прибыв на Гамму, ты сама кое в чем разберешься. Но для выполнения своей миссии тебе не обязательно знать весь замысел».

— Ты только подумай о цене! — произнесла Швандью, неприязненно глядя на гхола. Мальчик в это время полз по лужайке, хватаясь за пучки травы.

Луцилле было совершенно ясно, что цена здесь ни при чем. Гораздо важнее было открытое признание в неудаче. Орден сестер не имел права расписаться в собственном бессилии. Жизненно важно было другое — импринтер был прислан достаточно рано. Тараза понимала, что импринтер увидит обстановку и частично в ней разберется.

Костлявой рукой Швандью указала на ребенка, который снова вернулся к своим одиноким играм, бегая и кувыркаясь на лужайке.

— Политика, — проговорила старуха.

Нет никакого сомнения, что именно политика сестер лежит в основе ереси Швандью, подумала Луцилла. Вся интрига внутренних противоречий состояла в том, что именно Швандью стала руководителем Убежища здесь, на Гамму. Те, кто осмеливался противостоять Таразе, предпочитали не отсиживаться в тени.

Швандью обернулась и посмотрела в лицо Луцилле. Сказано было уже достаточно. Того, что они обе сказали и услышали, было довольно для тренированного сознания воспитанниц Бинэ Гессерит. Капитул тщательно проверил кандидатуру Луциллы, прежде чем прислать ее на Гамму.

Луцилла почувствовала, что старуха внимательно изучает ее, но не позволила ей коснуться того глубинного ощущения цели, на которое каждая Преподобная Мать опирается в минуты потрясения. *Вот так. Пусть она повнимательнее ко мне приглядится.* Луцилла повернулась лицом к Швандью, на губах молодой женщины заиграла приветливая улыбка, в то время как взгляд блуждал по крыше дома напротив.

В этот момент на крыше появился человек в военной форме, вооруженный тяжелым бластером. Он внимательно взглянул на женщин, потом перевел взгляд на мальчика.

— Кто это? — спросила Луцилла.

— Патрин, доверенный помощник баши, — ответила Швандью. — Утверждает, что он всего лишь ординарец, но надо быть слепым идиотом, чтобы в это поверить.

Луцилла внимательно пригляделась к мужчине. Итак, это Патрин. Тараза говорила, что он уроженец Гамму. На эту должность его пригласил сам баши. Этот худощавый блондин был слишком стар, чтобы служить простым солдатом, однако баши самолично вызвал его из отставки и приказал нести службу.

Швандью заметила ту неподдельную озабоченность, с которой Луцилла перевела взгляд с Патрина на маленького гхола. Да, если для охраны Убежища призвали баши, значит, жизни гхола угрожала нешуточная опасность.

Луцилла не стала скрывать своего внезапного удивления.

— Почему... именно он...

— Таков приказ Майлса Тега, — ответила Швандью, назвав баши по имени. — Игры мальчика — это тренировка. Его мышцы должны быть подготовлены к тому моменту, когда восстановится его истинное «я».

— Но ведь он не выполняет даже простейших упражнений, — возразила Луцилла. Ее собственные мышцы непроизвольно напряглись, вспомнив давнюю тренировку.

— Мы не делимся с этим гхола тайнами Ордена, — сказала Швандью. — Практически все остальное из сокровищницы наших знаний окажется в его распоряжении. — По ее тону было ясно, что Преподобная Мать сама считает эти аргументы весьма спорными.

Луцилла действительно возразила:

— Но ведь никто всерьез не думает, что этот гхола может стать Квизац Хадерачем.

В ответ Швандью только пожала плечами.

Луцилла принялась молча размышлять. Может ли произойти трансформация этого гхола в мужской вариант Преподобной Матери? Сможет ли этот Дункан Айдахо заглянуть туда, куда не осмеливается взглянуть ни одна Преподобная Мать?

Швандью заговорила. Ее голос был больше похож на звериный рык.

— Замысел этого проекта... был задуман очень опасный план. Они могут совершить ту же самую ошибку... — Она осеклась.

Они, подумала Луцилла. Их гхола.

— Я отдала бы все, что угодно, за то, чтобы знать, какую позицию занимают в этом деле иксианцы и Говорящие Рыбы, — сказала Луцилла.

— Говорящие Рыбы! — Швандью тряхнула головой, негодуя от одной только мысли об остатках гвардии, которая когда-то служила только и исключительно Тирану. — Они верят в истину и справедливость.

Горло Луциллы на мгновение сдавил спазм, но она быстро взяла себя в руки. Швандью осталось сделать лишь